

А. Ф. ЖУРАВЛЁВ

Институт славяноведения РАН
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
afzhuravlev@yandex.ru

НАБИТЫЙ ДУРАК (К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ИДИОМЫ)

Известно несколько попыток объяснить происхождение распространённого фразеологического выражения *набитый дурак* (имеющего аналогии за пределами русского языка), однако для современного носителя языка идиома остаётся непрозрачной. По мнению автора, удовлетворительное её истолкование возможно с привлечением диалектных паремий вроде воронеж. *У людей дураки в натруску, а наш в набивку*. Лексический и фразеологический диалектный материал, строящийся на близких ассоциациях, оказывается достаточно богатым.

Ключевые слова: паремиология, диалектная идиоматика, семантика, истолкование

Чужи дураки — загляденье каки, а наши...
[Даль, Пословицы II: 150]

Параллели русскому фразеологизму *набитый дурак* / *набитая дура* (*дурочка* [Архангельский словарь 12: 369]) известны другим восточнославянским языкам: белор. *набіты дурань* [БРС 1: 710; Носович: 298; Народная лексика: 14]; укр. *набитий дурень* [СУМ II: 438; ФСУМ 1: 237].

В авторской литературе выражения *набитый дурак* и *набитая дура* регистрируются со 2-й пол. XVIII в. [СлРЯ XVIII в. 13: 125], в комедии Л. Т. (Луки Татищева-Шубского?) «Свадьба господина Промоталова» (1774), в записках Д. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (1780-е гг.?) и его журнале «Друг честных людей, или Стародум» (1788).

Сразу отметим, что среди одушевлённых имён существительными *дурак* и *дура* сочетаемость прилагательного (причастия) *набитый* не ограничена. В те же времена у того же Фонвизина в Письмах родным (1784–1785) встречается хлёсткая оценка некоего графа Ротария, «племянника... живописца»: «Племянник *набитый скот*». В Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) вылавливаются, кроме того, сочетания *набитые невежды* (О. Сенковский, «Записки домового», 1835), *набитые глупцы* (Н. Скобелев, «Рассказы русского инвалида», 1838–1844), *набитые подлецы* (Н. Греч, «Записки о моей жизни», 1849–1856), но все они, будучи свидетельствуемы лишь однократно, оставляют впечатление вторичного про-

дукта — результата переноса сочетаемостных свойств слова *дурак* на слова близкой семантики. За пределами письменной литературы отмечено сочетание *набитая шельма* ‘большой плут’ (волог. [СРНГ 19: 120]), которое кажется возникшим на том же пути, хотя несколько смущает его близость иноязычным (моравским) фактам, упомянутым ниже.

Истоки фразеологизма *набитый дурак* современному носителю языка не очевидны.

Попытка раскрытия внутренней формы идиомы во фразеологическом собрании М. И. Михельсона ([1912: 451]: «Ср. *Набили дурака*, да и отпустили») на деле никакой ясности не вносит. Разве что подтверждает общеизвестное: *дураков и в церкви бьют*. Приди в голову выписать хотя бы из паремиологической коллекции В. И. Даля все речения, поговорки и пословицы, в которых сопрягаются названия дурака и побоев (*били, ум отшибить, дурь повыколотят, не жалей кулака, пыльным мешком прибитый...*), такие извлечения займут добрые полстраницы. Ситуация «дураков бьют» выглядит настолько обычной, что утверждение о неочевидности истоков заголовочного выражения может показаться маркетинговым преувеличением. И всё же картина сложнее.

Если в прилагательном *набитый* видеть смысл ‘опытный’ (ср. беспрефиксное *битый* ‘умный, расторопный’ [Псковский словарь 2: 15], ‘много испытавший, опытный’, ‘всезнающий’ [Акчимский словарь I: 70; СДГ 1: 132], оно может быть объяснено двояким образом. В. Махек, обративший внимание на морав. *šelma nabíjená, vybíjaná*, ляхск. *bity*, ходск. *probityj* «o člověku “flákaném”, tj. protřelém, často trestaném, který provedl již mnoho kousků» [Machek₂: 54], склоняется, как видим, к пониманию «набитого» как ‘человека, наученного с применением физических побоев, вколачиванием навыка и разума’. Развитие темы находим, например, в поэме Т. Шевченко «Сон»: «Ото дурний! а ще й битий!» Подхвативший махеково истолкование Г. А. Цыхун [ЭСБМ 7: 165, ст. **Набіты** ‘вопытны’] расширил его отсылкой к выражению белор. *набіць вока* — непосредственно ‘наострить, отточить взгляд’ (не упомянув, однако, русских параллелей *набить глаз, намётанный глаз, набить руку*, диал. *наломать руку* ‘научиться, привыкнуть что-л. делать’ [СРНГ 35: 240])¹, тем самым подменил образ «частва бітага» скорее фигурой «наторелого» и предложил, в сущности, иной, второй из возможных, мотивационный сценарий. Противоречия в таком со вмещении толковательных версий он не усмотрел.

Принятие изложенных пониманий внутренней формы прилагательного *набитый* для объяснения выражения *набитый дурак* вызывает когнитивное неудобство: «неотёсанный» в таком случае именуется ‘отёсанным’, причём без какой-либо ощутимой иронии (далее понятие иронии нам, однако, понадобится, но для более уместного контекста).

¹ Фразеологизм *набить зубы* ‘привить навык, опыт’ [Вологодский словарь *Морда* — *Обрадеть*: 20] не даёт удалиться от именованных воспитательных приёмов.

Объяснительная конъектура (в Интернете) *набитый* ← **небитый* ‘не испытывавший благотворности педагогического рукоприкладства’, ср. *За битого двух небитых дают*, выглядит довольно элегантно, но по той причине, что синтаксический «хозяин» *дурак* развивает заданную тему с назойливой избыточностью, может оказаться неверной. К тому же, что очень ослабляет гипотезу, НКРЯ, например, со словосочетанием **небитый дурак* не столкнулся ни разу (то же нужно сказать о как будто просящемся на язык сочетании **дурак непоротый*: в НКРЯ *непоротыми* случились лишь *арестанты, дворянство, задницы, место, плечо, поколение (-ния) и сословие*, из текстов в Интернете к ним добавляются *Александр II, дети, молодёжь, ребёнок, Россия...*). Даже если выражения **небитый...* и **непоротый дурак* где-либо и встретятся, что, конечно же, совсем не будет неожиданностью, они заведомо останутся на глубокой периферии реализованной сочетаемости.

Находимые в литературе и в том же Интернете (любительские) растолкования фразеологизма преимущественно опираются на идею физической наполненности ставящихся дураку в аналогии огородного чучела², тряпичного балаганного петрушки и т. д. малоценными отходами — соломой, опилками, лоскутами и т. п. Впрямую эта мысль сформулирована, например, в белорусском лексиконе И. И. Носовича: «**Набі́тый**... 3) Совершенный, до нельзя наполненный. Набитый дурень. Набитая мошна грошей» [Носович: loc. cit.]. Внешне, казалось бы, убедительная, такая трактовка имеет тот недостаток, что в ней причастие *набитый* провисает без ожидаемого в похожих случаях семантического уточнения, т. е. с незанятым местом одного из глагольных актанта. Возможно возражение, что здесь актантная лакуна — результат стандартной компрессии, которая наблюдается, например, в свёртывании выражения **мошна, набитая грошами* (*набитая мошна грошей* [Носович]) в *набитая мошна*. Но если «мошна» назначена для наполнения только «грошами» и, похоже, ничем другим, то человек как носитель разума, состояние которого оценивается в высказывании, равно может быть «набит», например, и бессистемными, неупорядоченными познаниями, подобно самодовольному эрудиту-спортсмену Вассерману из телевизора («голова набита всяким вздором»), — и полезно осмысленным опытом («...набил себе голову умными мыслями...» — В. Авенариус, «Отроческие годы Пушкина»; «...сравнительная грамматика и филология с Боппом, Поттом и Гриммом, исследованиями которых битком набита была моя голова...» — Ф. Буслаев, «Мои воспоминания»). В таких употреблениях педантичное распространение причастия *набитый* формой творительного падежа с объектным (объектно-количественным) значением отмечается редко и только, заметим, при постпозиции причастия по отношению к определяемому существительному: «...дурака, который

² Ср. *дурила огородная* ‘глупый, несообразительный человек’ [Словарь Мордовии: 708].

набит одними французскими *глупостями*) (Д. Фонвизин, «Бригадир»), донск. *набитый мякиной* ‘глупый, неразумный’ (в функции сказуемого: «У нас сасет мякинай набитый» [СДГ 3: 394]; ср. укр. *голова набита (начинена) вітром/клоччям/пір'ям, пологою* [Коломієць, Регушевський: 42]. В застывшей конструкции *набитый дурак* препозитивное причастие безобъектно, распространять его нужды не возникает: без того ясно, «чем» *набит*³.

Не отвергая правдоподобной версии, которая усматривает в «дураке» сходство с куклой и чучелом, набитыми дрянью (тем более что находятся подобия в чужезычной идиоматике, ср. нем. *jemand ist mit [Dummheit] geschlagen*), но подозревая за русским фразеологизмом более ёмкое устройство и богатые смысловые связи, попытаемся отыскать иные возможности его прочтения.

Не могут ли на сложение идиомы *набитый дурак* пролить хотя бы некоторый свет диалектные факты?

Скажем, одним из общеязыковых значений глагола *набиться* является ‘навязаться’, ‘напроситься’, ср. *наби(ва)ться в друзья, попутчики, гости, помощники, соавторы* и под. Оно, естественно, известно и территориальным говорам (ср. производные *набивка* ‘навязчивость’, *набивоня, набивоха, набивуха, набівщик* ‘кто набивается, навязывается на что-нибудь, когда его не спрашивают’, *набóеватый* [Дополнение к Опыту: 122; СРНГ 19: 115, 122]), и, в частности, реализуется в форме занимающего нас причастия. В значении ‘навязанный/навязавшийся партнёр; тот, кого ты не выбирал’⁴ отмечено томск. *набитый сосед* ‘сосед поневоле’ («В пословице: Брат брату набитый сосед» [СРНГ 19: 120]). У семейских Забайкалья записано сочетание *жена набитая* ‘девушка, женщина, настойчивыми просьбами, намёками добивающаяся или добившаяся того, чтобы её взяли в жёны’ («...у миня в даму жанá набитая хазййничает...“Жаной тябё буду”. Дык он прагнал яё: “Уйдй, — гаварйт, — пастылая, жанá набитая”...», «Да, уон у сасёда жанá набитая. Он усё па Дуси вздыхал, а та на явó ня глядёла. Набитая-та? Да хадйла за ём, хадйла, да выхадила: набйлась у жоны...» [Словарь семейских: 140]); ср. зап.-брян. *набиванка* ‘женщина, вышедшая замуж без сватовства со стороны родителей мужа или против их воли’ («Ты ж набиванка! Хто тебе брау? Каму ты трэба?» [Расторгуев: 163])⁵. Думает-

³ Причастие *набитый*, тропенчески применяемое к человеку и результатам его ментальной деятельности, сохраняет перфектную семантику, но коррелирует с лишённым её прилагательным *набивной* ‘предназначенный для набивания’: «Так же “по-ахматовски” звучала её характеристика неподлинных, псевдозначительных людей, книг, мыслей — “надувное-набивное”, взятая из канцелярского перечня ассортимента товаров: “игрушка надувная-набивная”» (А. Найман, «Рассказы о Анне Ахматовой»).

⁴ Не это ли значение имело нетолкуемое бранное выражение брян. орл. *дурацкая набойка* [СРНГ 19: 124]?

⁵ Сравнение именованной ‘особы, навязавшейся в жёны’ с белор. диал. *набіванкі* ‘посцілкі, палавікі, вытканья з ануч’ [СПЗБ 3: 117] и привлечение известного пей-

ся, однако, что эта семантическая линия для выяснения истоков фраземы *набитый дурак* не перспективна. Непоправимое близкое присутствие «дурака», конечно, может вызывать досаду, настырность и прилипчивость свойственны многим глупцам, но всё же не составляют непереносимой их черты. *Набитый* — это скорее ярлык для высокой степени явно отрицательного качества, в случае с «дураком» — неадекватности, невменяемости, невосприимчивости к позитивному знанию, неписываемости в поведенческую норму.

Видимо, нужны другие семантические зацепки. Возникает соблазн к истолкованию идиомы *набитый дурак* привлечь наречие *внабивку*. Ср.: «У людей дураки *в натруску*, а наш *внабивку*» (ворон. [СРНГ 19: 115])⁶. Реконструкция составителем словарной статьи **Набивка** выражения **дурак в набивку* как фразеологически цельного показанным в ней материалом как будто не оправдывается, но она подтверждается параллелью *дурак в нагнёт* ‘круглый, полный’ [Дальз II: 1026] — из классификации дураков «...с замбчкой, *в притруску*, *в нагнёт*, отпетый дурак» [Даль, Пословицы I: 360]⁷. Поговорка, взятая иллюстрацией к статье **Набивка**, не может не восхитить своим изяществом и остроумием. Смысл противопоставления: «чужие» — это мусор, труха, дребедень (наваленная *внатруску* ‘неплотно, некомпактно’ [Смоленский словарь 2: 62], не стоящая внимания ещё и по численной своей малости: *внатруску* о малом количестве чего-либо сыпучего [Расторгуев: 171; СРНГ 20: 233; Деулинский словарь: 89; СДГ 1: 261], *внатруску*, *внатрушонку* ‘немного, в небольшом количестве’ [Словарь Мордовии I: 92], *внатрусочку* ‘понемногу’ [Новгородский словарь 1: 129], ср. *натруска* ‘остатки сена, сенная труха’ [Псковский словарь 20: 364]), зато «наши» — сами по себе отборные, крепко сбитые, под завяз, литые, просто на зависть. Поговорка из Даля, поставленная нами в эпиграф, как и корявая формула «Бывают дураки средней руки, а наши дураки последней руки» (оттуда же), рисует ситуацию «свои — чужие» с обратными оценками, но для нас это ничего не меняет, поскольку важное и необходимое здесь противоположение принципиально остаётся тем же.

Отличие от толковательной версии, в которой «дурак», точнее, его сознание, рисуется вместилищем мусора и вздора, здесь он описывается, хотя и иронически, категориями в нормальном применении как раз положительными: «набитость» ассоциируется с представлениями о таких вещах, как сытость, желанная избыточность в хозяйстве, прочность и надёжность,

оратива *подстилка*, словообразовательно перекликающегося с существительным в толковании, было бы, однако, излишеством.

⁶ Местоимение *наш* может быть понято двояко — и как ‘непосредственно этот’, и как обобщённо-личное. Варианты поговорки скорее в пользу второй версии.

⁷ На наш взгляд, нет необходимости в ригористических претензиях к толерантной языковой технике, разрешающей наблюдаемое далее смешение субъекта («кто набит») и объекта («чем /) кем набито»).

с традиционной народной анатомо-корпоральной эстетикой, в которой ценится плотность и дородность, «справность». Ср. *набить брюхо, пузо, зоб; мамон набивать* 'наедаться до отвала' [Ярославский словарь *Липень — Няучить*: 31], урал. (?) «кендюх 'брюхо' *набил*» [СРНГ 13: 181], зап.-брян. *набить волю* 'наполнить зоб, желудок (о хорошо наевшихся курах)' [Рас-торгуев: 163]; диал. *набитый* 'полновесный (о колосе)', «о телесной полноте»: «Девка-то еще больше стала, как *набивши* вся» [Словарь Карелии 3: 292]; *сбитая кисть* 'густая, плотная гроздь ягод' [СРНГ 36: 176]; *биток*: «Как битки. Значение слова неизвестно, употребляется в сочетании, имеющем значение: очень здоровые, дебелые...» [СРНГ 2: 298], «Малый, что биток», «Здаровый, как битки» [Брянский словарь 1: 54]; *сбитень* 'крепкий, здоровый, упитанный человек' («А что ему подеется, сбитню такому», «Он у ней такой сбитень, исть все-все»), о ребёнке, подростке («Вон, какого малого — сбитня выкормили родители», «Раньше ребёнок — сбитень, а щас — худые»), 'сильное, упитанное животное' («Лошади у их хороши были: сильные, крепкие, здоровущие — чистые сбитни») [СРНГ 36: 176; Словарь Сибири 4: 236].

В Архангельском словаре [12: 367] выделено как диалектный фразеологизм выражение *дура пустая* («Дура я дура пустая, так у мян жолудог болел...»), которое, эксплуатируя идею «наполнения», по отношению к идиоме *набитая дура* выглядит «контр-аналогом»: оно как целое несёт ровно то же значение, но включает адекватив с противоположной семантикой, в усиление значения подчиняющего существительного, и потому не содержит, отметим, иронического смысла, находимого нами в мотивированности «коррелята». Придавать значимость этому диалектному свидетельству, отыскивая в нём какой-либо укрытый от прямого взгляда мотивировочный нюанс, наверно, не стоит. Скорее всего, это не клишированное, а свободное сочетание — такое же, как в авторских текстах «Мне нужна не *пустая дура*, а нужен умный верный друг и помощник...» (К. Станюкович, «Бесшабашный»), «Что, чёрт возьми, за тряпки нацепила тебе майрик [армян. 'мама']? Сними, *пустая дура!*» (М. Шагинян, «Кик»). Позволительного сочетания **пустой дурак*, кстати, в НКРЯ найти не удалось.

Отдельного комментария требуют диалектные инвективные идиомы с морфемным укорочением прилагательного (грамматически — причастия в имперфекте): *битый дурак* («На вит так пасмóтрят — красивай, а как загаваря — битай дурак» [Псковский словарь 10: 46]) и *дура битая* («...посмеётся надо мной, скажет, дура битая, старая» [Кобелева: 24], рус. говоры Респ. Коми), ср. также *дурак битый* у И. Бунина («Деревня»). Они представляются производными от фразеологизма *набитый дурак*, ходкого и уже потерявшего осознаваемую связь с идеями «натруски» и «набивки», однако ощутимая в нём семантика некоей завершённости, целостности, предела (ср. эпитеты, чрезвычайно важные для характеристики недоумков и суммарно явно преобладающие над иными сопрягаемыми со словом *дурак*, — (за)конченный, круглый, полный, чистый, стопроцентный, абсо-

лютный...⁸) дала возможность испытать — в виде устранения в прилагательном/причастии *набитый* уже «необязательного» префикса⁹ — влияние выражений вроде *битый час* ‘целый, полный, свершившийся час’, мотивированного семантической схемой ‘временной период, отмеченный боем часового механизма’¹⁰, или даже, если угодно, *битая дорога* ‘проторённая, укатанная, так сказать, несомненно и окончательно состоявшаяся дорога’¹¹. Понятно, что эти соображения о механизме возникновения фразеологизмов *битый дурак* и *битая дура* — только догадка, но она, кажется, имеет некоторую объяснительную силу.

Прилагательное *набитый* может не только утратить префикс, но и получить префиксальное наращение в виде негативирующего элемента: *дурак ненабитый* («Первый муш у неё был пьяница и дракун, а фторой што мальчишэчка, двáцать два гóда; я говорю: “Ты обйэжжэнная кобылка, а он дурак ненабитый, так и попрóбуй удержáть явó”») [Псковский словарь 10: 46]), ср. [Ивашко 1981: 28]. В этом случае семантика «ненаучности, неопытности», мобилизованная в сомнительной для нас конъюнктуре **небитый*, неоспорима. Осташковское словосочетание *ненамытый дурак* [Селигер 2: 54] (в текстуальной иллюстрации — в функции сказуемого, прилагательное постпозитивно), если оно не патологического — контаминативного и проч. — происхождения, может быть, связано с курск., вятск. *мыть* ‘бить, хлестать’ [Дополнение к Опыту: 121; СРНГ 19: 66] или, по лингвогеографическим соображениям, скорее ‘мучить работой’ [Новгородский словарь 5: 116], ‘мучить, истязать’ [Словарь Карелии 3: 279], ср. *измываться* (о последнем см. [Варбот 2012: 95] — в поправку к Фасмеру). Принципиально возможное усмотрение в приведённых выше примерах с *не*-префиксацией усилительной функции, см. [Толстой 1995: 343–345], не кажется достаточно вероятным.

На непристальный взгляд, многочисленные диалектные регистрации производных от **dur-*, в их числе *дурак*, в значениях ‘беспольный’, ‘пус-

⁸ Ср. донск. *дурак по самое некуда* [СДГ 2: 98], укр. «Ото дурень! був би ще більший, та вже нікуди» [Номис 1993: 295]. Идея «законченности», некоей уже «неотменимости» откровенно присутствует в высокочастотном при слове *дурак* эпитете *отпетый* — буквально ‘по котором уже совершён церковный чин отпевания’.

⁹ Сходным же образом полюбившееся А. Герцену (и перенятое от него А. Писемским) выражение *битая фраза* вторично по отношению к стандартному *избитая фраза*.

¹⁰ Мотивация, несмотря на её прозрачность, полностью игнорируется нечутким к тонкостям словесной семантики и упражняющимся в банальностях Ф. Достоевским: «Они *просмотрели* так друг на друга *секунд десять битых*, при глубоком молчании всех окружающих» («Игрок»).

¹¹ Впрочем: «по широкой, хорошо *набитой дороге...*» (А. Куприн, «Молох»); ср. «Пайдёта прýма ы влёва, ня вара́тýта фпра́ва, *набита даро́га*», «Там *даро́га набивна́я*: йнна́я на коне́, йнна́я так хóдя» [Псковский словарь 19: 214, 207]; см. также [Паликова, Ровнова: 95].

тоцвет', 'неразвившаяся завязь', 'недозревшая тыква, арбуз', 'недоспевшая морошка', 'отросток или побег дерева, не начавший или садовое дерево, переставшее плодоносить', 'сорняки', 'жмых', 'недобродившее пиво', 'неплодородный земельный участок', 'непроходимые места, трущобы' (т. е. *'неудобья'. — А. Ж.), 'пустая (не золотоносная) порода' и под. (см. [СРНГ 8: 263–273] — *дура* 3, *дурак* 7, 8, 10, *дуранда*, *дурандик*, *дураш* 2, *дурман* 4, 6, 7, *дурмень*, *дурметина*, *дурмина*, *дурнига*, *дурнина*, *дурное*, *дурной* 4–6, *дурность* 4, *дурняк* 1, *дурь*, *дурьнда* 1, *дурь* 5, 6; [Добровольский: 194; Ярославский словарь *Дикарится* — *Иштык*: 26–27; Уральский словарь I: 147–148; СГРС III: 288–289; СДГ 2: 99]; ср. [Журавлёв 2016: 300]) непосредственного касательства к трактуемому на этих страницах мотивационному сюжету не имеют. Однако сопоставление данных значений с тем, что сказано выше об идее «набитости» как полноты и реализованности потенциалов, т. е. как особенности во множестве житейских и хозяйственных ситуаций принципиально одобряемой и даже желательной, подталкивает к мысли о начальной оксюморонности заголовочного словосочетания: если *дураком* называют просто глупца и пустышку, то *набитый дурак*, независимо от того, сам ли он «набит» или же «им» («ими») наполнено некое пространство¹², — это, по-видимому, глупец и пустышка особенный, выдающийся, полновесный, лучший, по своим совершенным качествам достойный восхищения¹³.

Несравненность, избранность «дурака» подчёркивается охотным помещением его именованного в специально существующую в русском языке для передачи этого качества выразительную фразеосхему — тавтологическую конструкцию «из + A_{GenPl} + A_{NomSg} »: *из дураков дурак*, *из дуров дура* [Архангельский словарь 12: 367, 369], «...он хотя и непорочен, но *из дураков дурак*, и из него будет не более, как свинопас» (Г. Квитка-Основьяненко,

¹² Как известно, «дурак давку любит» [Даль, Пословицы I: 360]: «Наш московский почтамт, должно быть, *набит дураками*, которые не понимают своего дела...» (А. Фет, «Мои воспоминания») — ср.: «Своих дураков полны горницы» (А. Левитов, «Московские комнаты “с небилью”»). Сюда же, несомненно, и метонимическое арханг. *дураково поле* 'дурак' [СРНГ 29: 45], яросл. *дуракова поля* то же, видимо, родит. пад. в функции адъектива [Ярославский словарь *Дикарится* — *Иштык*: 26], связанные с широко известной интернациональной сентенцией *Дураков не сеют, сами рождаются*, популяризацию которой у нас начинал Даниил Заточник.

¹³ Подобными оксюморонами полна отечественная авторская словесность: *мерзавец первосортный* (Е. Салиас, «Четвёртое измерение»), *первостатейная шельма* (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»), *отборный дурак* (В. Ходасевич, «Гумилёв и Блок»), *изумительная дрянь* (М. Булгаков, «Собачье сердце»), *великолепный негодяй* (В. Железников, «Хорошим людям»), *восхитительные уроды* (В. Солоухин, «Третья охота»), *выдающийся подлец* (В. Дудинцев, «Белые одежды»), *подлецы первой гильдии* (В. Каверин, «Перед зеркалом»)... Знатоки современного отечественного кинематографа вспомнят нецензурный мем из фильма «Даун Хаус» с использованием эпитета *сказочный*.

«Пан Халявский»). В «дураке» ценится неподдельность, порода: *дурак ширый* [СДГ 2: 98], *изорный дурак* [Ярославский словарь *Дикариться — Иштык*: 140; СРНГ 12: 165] — т. е. 'истинный, подлинный, настоящий' (ср. «Глупых, *по-настоящему глупых* людей очень мало, и в них есть даже некоторая прелесть, душевность. Конечно, *чистопородных глупых* больше, чем умных, но...») — С. Липкин, «Записки жильца»).

Опираясь на предложенное здесь понимание, которое представляется нам более или менее оправданным, можно было бы уточнить некоторые блёклые словарные толкования эпитетов «дурака». Так, фразеологизмы *дура голая*, *гольный/нагольный/наголящий дурак* (*дура*) сопровождаются кветлыми определениями 'бестолковая, неразумная', 'очень глупый человек', 'круглый дурак' [Иванова: 125; Деулинский словарь: 156, 312; Вологодский словарь *Морда — Обрадеть*: 31, 32; СДГ 2: 98; Словарь Мордовии I: 584]. Соотнеся их с прилагательными *голый* 'ни с чем не смешанный, чистый, без примесей', *гольный* то же, 'один только' [СРНГ 6: 346, 348], *голой*, *гольной* 'настоящий, истинный' [Архангельский словарь 9: 261], *голимый* 'цельный, без примеси', 'настоящий, истый, подлинный' [СРНГ 6: 293–294; Словарь Сибири 1/1: 251–252], *нагольный* 'настоящий' (сарат.: «Он *нагольный дурак*» [СРНГ 19: 208]; отметим, что это словосочетание оформлено в цитируемой статье как свободное, а не идиоматизованное), также свердл. 'самый хороший, праздничный (об одежде)' [Там же], *наголимый* 'полный, совершенный' [Ярославский словарь *Липень — Нячуть*: 89], 'только такой, единственный' [Вологодский словарь, loc. cit.], *наголящий* 'достигший полноты проявления каких-л. качеств' [Деулинский словарь: 312] и под., мы охотнее дали бы им заострённую дефиницию вроде 'истинный, образцовый дурак, дурак «как таковой»'.

Словари и справочники

Акчимский словарь — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). I–VI. Пермь, 1984–2011.

Архангельский словарь — Архангельский областной словарь. 1–. М., 1980–.

БРС — Беларуска-рускі слоўнік. Т. 1–2. Мінск, 1988–1989.

Брянский словарь — Словарь брянских говоров. 1–. Л.; СПб., 1976–.

Вологодский словарь — Словарь вологодских говоров. [А–Г — Ц–Я.] Вологда, 1983–2007.

Дальз — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. I–IV. СПб.; М., 1903–1909.

Даль, Пословицы — В. И. Даль. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. Сборник в двух томах. СПб., 1997.

Деулинский словарь — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.

Добровольский — В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Дополнение к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Иванова — А. Ф. И в а н о в а. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Кобелева — И. А. К о б е л е в а. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар, 2004.

Коломієць, Регушевський — М. П. К о л о м і є ц ь, Є. С. Р е г у ш е в с ь к и й. Словник фразеологічних синонімів. Київ, 1988.

Михельсон 1912 — М. И. М и х е л ь с о н. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание. СПб., 1912.

Народная лексика — Народная лексика. Мінск, 1977.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Новгородский словарь — Новгородский областной словарь. 1–12, 13 (дополнительный). Новгород, 1992–1995; Великий Новгород, 2000.

Номис 1993 — М. Н о м и с. Українські приказки, прислів'я, і таке інше. Збірники О. В. Марковича та інших. Київ, 1993.

Носович — Словарь белорусского наречия. Составленный И. И. Носовичем. СПб., 1870.

Паликова, Ровнова — О. Н. П а л и к о в а, О. Г. Р о в н о в а. Словарь говора староверов Эстонии. Тарту, 2008.

Псковский словарь — Псковский областной словарь с историческими данными. 1–. Л.; СПб., 1967–.

Расторгуев — П. А. Р а с т о р г у е в. Словарь народных говоров Западной Брянщины (материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. 1–. Екатеринбург, 2001–.

СДГ — Словарь донских говоров Волгоградской области. 1–. Волгоград, 2006–.

Селигер — Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь. 1–. СПб., 2003–.

Словарь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. 1–6. СПб., 1994–2005.

Словарь Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. I–II. СПб., 2013.

Словарь семейских — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.

Словарь Сибири — Словарь русских говоров Сибири. 1–. Новосибирск, 1999–.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–. Л.; СПб., 1984–.

Смоленский словарь — Словарь смоленских говоров. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1–5. Мінск, 1979–1986.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. 1, 2. М.; Л., 1965–1966. 3–. Л.; СПб., 1968–.

СУМ — Словник української мови. I–XI. Київ, 1970–1980.

Уральский словарь — Словарь русских говоров Среднего Урала. I–VII. Свердловск, 1964–1988.

ФСУМ — Фразеологічний словник української мови. 1–2. Київ, 1993.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. 1–. Мінск, 1978–.

Ярославский словарь — Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

Machek₂ — V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.

Л и т е р а т у р а

Варбот 2012 — Ж. Ж. В а р б о т. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-история, 2012.

Журавлёв 2016 — А. Ф. Ж у р а в л ё в. Эволюции смыслов. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.

Ивашко 1981 — Л. А. И в а ш к о. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1981.

Толстой 1995 — Н. И. Т о л с т о й. *Не* — не 'не' // Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 341–346.

Статья получена 03.08.2021

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
afzhuravlev@yandex.ru

NABITYI DURAK (CONSIDERATIONS ON THE ORIGIN OF THE IDIOM)

There have been several attempts to explain the origin of the common idiom "stuffed fool" (which has analogies outside the Russian language), but for modern speakers it remains unclear. In the author's opinion, it can be adequately interpreted with the help of dialectal proverbs containing the adverb *vnabivku*, such as «Other people's fools are filled loosely, and ours are tightly packed (*vnabivku*)» (Voronezh region). The lexical and phraseological dialectal material, based on close associations, turns out to be quite rich.

Keywords: phraseology, folk idiomatics, semantics, explanation.

References

Ivashko, L. A. (1981). *Ocherki russkoi dialektnoi frazeologii*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.

Tolstoy, N. I. (1995). *Yazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow: Indrik.

Varbot, Zh. Zh. (2012). *Issledovaniia po russkoi i slavianskoi etimologii*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Zhuravlev, A. F. (2016). *Evoliutsii smyslov*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2016.

Received on August 3, 2021